

Отзыв
официального оппонента на диссертацию
на соискание степени кандидата исторических наук
Беловой Натальи Руслановны на тему:
«Ересь и еретик в чешскоязычной литературе побелогорской эпохи»
по специальности: 5.6.2. Всеобщая история

Диссертация Н.Р. Беловой посвящена актуальной, интересной и очень непростой теме, предполагающей погружение в сложности происходившей в чешских землях Контрреформации, которая приняла заметно более радикальные формы после поражения чехов от Католической лиги в белогорском сражении 1620 г. В диссертации поднят один, до сих пор слабо исследованный в исторической науке аспект чешской Контрреформации т.н. побелогорского периода – отражение в католической чешскоязычной литературе отношения к не-католикам разной направленности, объединенным католическими авторами общими понятиями «еретики» и «ереси».

Эта тема приобретает особую важность в условиях общего наступления католицизма в Центральной Европе в раннее Новое время, а в Чехии – в более драматичных обстоятельствах: поворота от официального признания всех не-католических христианских вероисповеданий и политики религиозной терпимости к решительной и бесповоротной Контрреформации после 1620 г. В этих очень сложных условиях на службу Контрреформации встала и расцвела католическая литература, призванная поддержать католицизм, вернуть вере и церкви былой авторитет, ниспровергнуть соперников и противников. В этом плане особую ценность диссертационному исследованию Н.Р. Беловой придает изучение этого важного аспекта рекатолизации в Чехии в эпоху, когда страна полностью потеряла и политическую самостоятельность и оказалась

предоставлена всевластию австрийских Габсбургов, выступавших застрельщиками Контрреформации и рекатолизации в созданной в центре Европы их усилиями монархии, в состав которой входили Австрия, Венгрия и Чехия.

В пользу новизны и научной актуальности данного исследования свидетельствует понимание автором Контрреформации, как сложного явления. В отличие от традиционного подхода к этой теме старой историографии Н.Р. Белова включает в понятие «Контрреформация» не только репрессивную политику церкви и светских властей по отношению к противникам католицизма, но и целый комплекс разнообразных мер, способствовавших исправлению «оступившихся», воспитанию, просвещению, образованию паствы, ее привлечению к участию в религиозной жизни. Проводников этой политики в Чехии – католических проповедников, миссионеров, теологов, религиозных писателей – докторантка помещает в центр своего исследования.

Бесспорным достоинством докторантуры Н.Р. Беловой является то, что ею исследуется не элитарная сторона религиозной пропаганды католиков. По произведениям, адресованным не к избранным интеллектуалам, а к рядовым верующим, простым прихожанам, докторантка изучает, можно сказать, массовую религиозную католическую культуру, во всяком случае, как она представлялась католической церкви. Такой ракурс докторантского исследования Н.Р. Беловой с одной стороны отвечает новейшим устремлениям историографии, с другой – позволяет углубить наши знания в вопросе о новых тенденциях в рекатолизации, происходившей в условиях обостренной конфессионализации общества. Важно отметить и то, что, изучая пропагандистскую литературу чешских католиков, Н.Р. Белова прослеживает стремление чешских авторов XVII – XVIII вв. связать религиозное обновление своей эпохи с историей своей страны, с привычными для паствы персонажами и обычаями чешской истории. И этот аспект исследования удается докторантке, пожалуй, лучше всего.

Диссертация базируется на большом круге источников. Это – 17 современных эпохе чешских авторов, некоторые из которых написали не одно произведение. Среди них и оригинальные труды на чешском языке, и переводы с латинского чешских авторов, писавших на латыни, а также тексты иностранных борцов за торжество католицизма. Диссидентка часто обращается к Библии, трудам Августина, Фомы Аквинского, Игнатия Лойолы в переводе на русский язык, служившим непрекаемым авторитетом и опорой для авторов эпохи барокко. Особое место среди источников занимают каноны и декреты Тридентского собора в переводе И.И. Аникьева. В работе задействованы Римский катехизис и труды Карла IV. Помимо сочинений религиозного характера к исследованию привлечено и несколько источников светского происхождения: постановления властей, записи и решения комиссий, правда, преимущественно, до середины XVII в. Н.Р. Белова продемонстрировала хорошую освещенность в классической и новейшей отечественной и зарубежной историографии, касающейся общих вопросов Реформации и Контрреформации в Европе, религиозной культуры барокко, религиозного католического мировоззрения, взаимоотношений светской власти и церкви в Средние века и раннее Новое время, а также более специальных вопросов, относящихся к религиозной истории Чехии.

Н.Р. Белова выявила, что католические авторы определяли тех, кто принадлежал к некатоликам как «еретиков», а их учений как «ересей». А это предполагало соответствующее отношение к ним католиков, что в полной мере сказалось и на литературе. Это, в свою очередь, сформировало те основные вопросы и проблемы, которые Н.Р. Белова выдвинула в диссертации. Постановкой этих вопросов и в поиске ответов на них автор исследует образ еретика, представленного в сочинениях чешских католических авторов побелогорского периода; на каких принципах должны строиться взаимоотношения истинных верующих с ними и возможна ли толерантность по отношению к еретикам;

каковы ее границы; какими методами можно и следует бороться с еретиками: чем обосновывается религиозная нетерпимость к некатоликам; каково участие в борьбе с ересью светской и духовной власти? Наконец, диссертант пытается рассмотреть чешскую ересь в контексте религиозности раннего Нового времени в целом. Поставленные вопросы выглядят уместными, логичными, ведут к раскрытию выбранной для исследования темы.

Последовательному рассмотрению этих вопросов отданы четыре главы диссертации. В первой, посвященной трактовке понятия «ересь» в католической литературе изучаемого периода, автор рассматривает ключевые понятия и образы, используемые для описания некатоликов. Их трактовка оказывается очень негативной как в плане религиозном, так и мирском. Н.Р. Белова показывает, что ересь воспринималась как отступление от основных положений католицизма, продиктованных в доктринах, установленных в раннее Средневековье, подтвержденных декретами Тридентского Собора, поддерживавшихся т.н. *Pietas Austriaca*. Диссертантка подмечает незначительные отличия побегорских представлений о ереси от более ранних.

Вторая глава посвящена принципам взаимодействия с еретиками. Диссертантка показывает, что, несмотря на явное предпочтение насилия в отношении т.н. «еретиков», католики не отказывались от мирных методов. Н.Р. Белова детально исследует их и приходит к выводу, что в условиях низкой катехизации населения, проповедникам приходилось мириться с существованием некатоликов и учить паству основам христианства, отодвигая специфику католического вероучения на второй план.

В третьей главе обосновывается необходимость религиозной нетерпимости. Здесь уже более развернуто представлена тема участия светских властей в установлении конфессионального единства в государстве, которым в этом процессе отводится главная роль. Диссертантка приводит базовую идею католических авторов, оправдывающую такую политику - идею ответственности

одного за спасение всех, которая, по мнению Н.Р. Беловой, лежит в основе политической мысли Раннего Нового времени. Это положение автора представляется некоторым, хотя и вполне объяснимым, преувеличением и нуждается в дальнейшем осмыслении.

Наконец, в главе четвертой Н.Р. Белова ставит своей задачей вписать транслируемое католической литературой понимание ереси в контекст религиозности раннего Нового времени. Диссидентка демонстрирует это на примере двух концепций: католической конфессионализации и религиозной модели благочестия Габсбургов, получившего название *Pietas Austriaca*.

Базовые выводы, к которым диссидентка приходит в заключении, как и сформулированные во Введении, выносимые на защиту положения выглядят в основном вполне убедительно, они обоснованы конкретным материалом всех глав. При этом диссидент проявляет осторожность в своих выводах, отмечая в каждой главе и в заключении, что изучаемые тексты отражают не реальную конфессиональную ситуацию в стране, а представления о ней католического духовенства.

Специфика чешской католической литературы ярко представлена в диссертации ее обращением к чешскому прошлому, к ее святым. Однако сама проблема обращения к чешским святым и их, хотя бы номенклатура, изложены только в последней главе, уже после того, как читатель пытается найти имена почитаемых в Чехии прежних и новых времен святых и неканонизированных подвижников, но находит только старые проверенные имена Вацлава, Людмилы и т.п. Приведение более полного списка святых и подвижников в конце диссертации понижает его значимость и понимание темы почитания святых в Чехии в раннее Новое время.

Надо отметить, что в работе в целом преобладают источники до конца XVII в. Что же касается XVIII в., а особенно, его второй половины, то заявленная в

качестве равноправного объекта исследования, она представлена скучно, единичными источниками, которые серьезно не анализируются. Правда, в это время, как отмечает сама диссертантка, население монархии австрийских Габсбургов в целом было возвращено в лоно католицизма. Но, может быть, имело смысл ограничить хронологические рамки работы?

Привлеченный диссидентом материал велик, исследуется обстоятельно и детально. Но сам автор осознает, что он не отражает реальной религиозной ситуации в Чехии. Я бы добавила, что аргументация могла бы выглядеть значительно живее и убедительнее, если бы рассматривалась с отсылкой на взгляды протестантов. Кроме того, в работе недостает внимательного отношения к исходящим от светских католических властей документам законодательного характера, касающимся религиозных вопросов, в результате чего огромная по продолжительности эпоха - почти в три века (учитывая и добелогорскую политику тех же Габсбургов), воспринимается как однолинейная, лишенная специфики в отдельные периоды. При этом искажается религиозная политика отдельных правителей, например, Карла V, Фердинанда I, Максимилиана II, которые не проявляли фанатизма в вопросах веры, как можно предположить по тексту диссертации. Ведь известно, что Фердинанд I не сразу принял решения Тридентского собора, а Максимилиан II не без оснований подозревался в симпатиях к протестантизму.

Во Введении представлен крохотный раздел о религиозной ситуации в Чехии (с акцентом на добелогорский период); и этим, собственно, и ограничивается характеристика реальной политической, социальной и культурной ситуации в Чехии как в самостоятельном королевстве, так и в составе монархии австрийских Габсбургов. Между тем без внятного изложения исторического контекста трудно осмыслить происходившее в религиозной жизни Чехии XVI – XVIII вв.

Диссидентка привлекла к работе солидную историографию на разных языках: чешском, английском, французском и итальянском и активно разработала ее. Однако хотелось бы заметить, что для изучения любой проблематики истории стран (в том числе религиозной), входивших в изучаемое диссиденткой время в монархию австрийских Габсбургов, было бы очень полезно привлечение исследований немецкоязычных авторов по истории этой монархии, а также Священной Римской империи. Их определенно не хватает, даже если учесть, что работа посвящена только представлениям чешских католиков. От этого страдает понимание исторического контекста, исторических реалий времени, в которое творили писатели, проповедники, миссионеры, труды которых изучает Н.Р. Белова. К примеру, можно назвать монографии А. Колера, М. Хенгерера, И. Фазекаша, А. Фундарковой, Т. Винкельбауэра и др. Остается резерв не привлеченных работ на русском языке. Так, полезной могла бы стать монография К.Т. Медведевой, посвященная борьбе сословий и правящей династии в монархии австрийских Габсбургов.

Мои соображения, высказанные по поводу источников и литературы – скорее пожелания к будущей работе диссидентки, т.к. и сама она осознает незаконченность своего исследования и его дальнейшие перспективы.

Что же касается критических замечаний, то в первую очередь, следует отметить, что заглавие диссертации не совсем точно отражает ее содержание и проблематику. В работе идет речь только о католической чешскоязычной литературе. Между тем из заглавия выпущено ее определение как католической. Отсутствие же этого уточнения позволяет читателю предъявить дополнительные запросы по теме. Но даже при такой формулировке темы работы обращение (пусть ограниченное) к трудам некатоликов желательно.

Небольшое, но принципиальное замечание касается трактовки взглядов Н. Макиавелли. Н.Р. Белова подробно останавливается в разных главах на труде Матея Виерия «Христослав», написанном на латинском языке в конце

17 в., в котором он рисует образ идеального монарха. Это – антипод государя Макиавелли, поскольку главную цель иезуит Виерий видит не в обеспечении общего блага с осознанным допущением в случае необходимости отступления от нравственно-моральных норм, а в распространении и укреплении католицизма при непременном соблюдении правителем норм морали. В обращении к этой чрезвычайно интересной теме макиавелизма Н.Р. Белова, как мне показалось, допускает одну неточность, важную для интерпретации взглядов католических писателей эпохи барокко. В ее представлении, главная цель правителя, по Макиавелли, состоит в заботе о благе подданных, понимаемом как спасение их душ (Н.Р. Белова, стр.215). Такой формулировки в «Государе» Макиавелли мы не найдем. Но, по Н.Р. Беловой, как будто в контексте этой мысли итальянского гуманиста чешские католики выражают свое несогласие с его концепцией, допускающей отступление от норм морали при достижении общего блага. Но, как бы то ни было, Виерий продвигает распространенную в то время в ордене иезуитов идею совместимости политики и морали и необходимости подчинения политической жизни нравственным нормам. Эти наблюдения диссидентки представляют большой интерес и нуждаются в дальнейшей разработке, что можно объяснить существованием большой полемики как в католической, так и протестантской литературе по вопросу о соотношении духовной и светской власти в религиозной жизни общества

Самое серьезное замечание заключается в использовании в диссертации базовой терминологии: «конфессионализация». Суждения, касающиеся этого термина, рассыпаны по всему тексту. Правда, его концентрированных характеристик, а тем более дефиниций в тексте нет. Диссидент пишет о целях, приписываемых им католическими авторами, а иногда властями, вразброс упоминает о содержании, о методах. В диссертации конфессионализация представлена как управляемый вообще и управляемый сверху (светскими и церковными властями), процесс. Однако в современной историографии, начиная с

Шиллинга, она представлена в значительной мере как спонтанный процесс. Н.Р. Белова справедливо констатирует во Введении, что в раннее Новое время религиозность общества усилилась. Но у этого явления имелись причины более сложные и глубокие, чем это видится автору диссертации. Конфессионализация, действительно, присуща как католицизму, так и протестантизму, причем, в одинаковой мере. Она была вызвана индивидуализацией сознания верующего, которая вела его к внутреннему, сугубо личному восприятию веры, к стремлению непосредственного общения с божеством, минуя созданные церковью институты и обряды. С этим связано гипертрофированное индивидуализированное религиозное чувство верующего, свойственное эпохе барокко, усиливавшее его чувство вины, греховности и в то же время чувство ответственности за поступки других. С этим связаны влечение к теме мученичества, страданий, почитания сердца и ран Христовых, так страстно отраженных в изобразительном искусстве эпохи барокко, возникновении различных монашеских орденов, направленность которых определялась стремлением верующего помочь бедному, больному, сирому и т.п., чтобы самому достичь спасения. Стремление получить защиту от всех бед и страданий проявилось в расцвете культа Девы Марии, как покровительницы не только отдельных верующих, но целых стран и государств. Этот религиозный экстаз был свойственен как католицизму, так и протестантизму, хотя находил в них разное выражение. Такое восприятие веры было подготовлено целым комплексом процессов, происходивших в предшествующую эпоху, в частности, в эпоху Ренессанса, как широко понимаемого явления. Хотя по тексту, особенно заключению, можно предположить, что автор диссертации видит глубокую взаимосвязь этих явлений, в частности (и что очень важно) пишет об индивидуализации религиозного сознания верующего в эпоху барокко, в самом тексте достаточной доказательности этой мысли недостаточно. Более тонкое понимание термина «конфессионализация» (при использовании и соответствующей литературы, и

учета характеристик эпохи) позволяет более дифференцированно характеризовать саму Контрреформацию, хотя в историографическом разделе диссертантка ссылается на сложное понимание современной научной литературой этого явления.

Применительно к теме конфессионализации населения имело бы смысл более подробно остановиться на проблеме использования чешского языка в религиозной литературе, как католиками, так и протестантами. Тем более, что и в заглавие диссертации вынесен термин «чешскоязычная». В то же время изучаемая диссидентской литературой показывает сложность языковой ситуации в Чехии и неоднозначное отношение католических писателей к родному языку.

Сделанные замечания ни в коей мере не снижают достоинств проделанной Н.Р. Беловой работы и ее результатов. Диссидентской разработаны положения, которые можно квалифицировать как научное достижение; содержится решение ряда задач, имеющих значение для проблематики Контрреформации и взаимоотношений церкви и государства в политике рекатолизации. Исследование обладает внутренним единством, содержит новые результаты по истории религиозности в раннее Новое время, свидетельствует о личном вкладе автора. Сделанные в диссертации выводы могут быть использованы при подготовке лекций по истории Средних веков и раннего Нового времени, по истории Чехии, в частности.

Основные научные результаты диссертации Н.Р. Беловой отражены в автографе и в опубликованных работах в рецензируемых научных изданиях из списков RSCI на платформе Web of Science и рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Диссертация Н.Р. Беловой отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации Н.Р. Беловой соответствует паспорту специальности 5.6.2. Всеобщая история (по историческим наукам), а также

критериям, определенным пп.2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Белова Наталья Руслановна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент
Кандидат исторических наук,
Доцент исторического факультета
Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова»

ГУСАРОВА Татьяна Павловна

1 ноября 2025 г.

Контактные данные:

Специальность, по которой официальным оппонентом Т.П. Гусаровой защищена диссертация: 07.00.03 – Всеобщая история (Средние века)

Адрес места работы: 119234 Москва, Ломоносовский пр. д.27/46, МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический факультет

Тел.: +7 (495) 939-35-66; электронная почта: faculty@hist.msu.ru